шивок черного или коричневого цвета, которые размещались по горловине (воротнику), лацканам, отворотам на рукавах (*заковрашам*) и по спинке—в местах вшивания верхних углов клиньев. Праздничная одежда оформлялась самодельными шнурами и тесьмой; в качестве отделки широко использовались плис, который иногда нашивался в виде аппликации (Полтавщина); сложные орнаментальные композиции создавались ручным швом, а позже машинной художественной строчкой (рис. 2, ж, з, к). В верхней одежде из фабричных тканей — юпках наряду с традиционными появляются новые приемы украшений и отделки, достигшие высокого художественного мастерства. Машинной строчкой по краям полочек выполнялись сложные орнаментальные композиции. Она могла быть того же цвета, что и ткань или пестрой, дополнялась ручной вышивкой. Особой декоративностью, разнообразием рисунка отличалась аппликация юпок, которая чаще выполнялась из черного плиса. Локальные особенности проявлялись в расположении композиционного центра орнамента, в цветовом решении. Для Киевщины, например, характерны юпки из красочных, чаще однотонных тканей; акцент полихромной отделки находился в нижнем углу правой полы (*нарижник*). На Полтавщине однотонная декоративная аппликация располагалась вдоль правой полы (*левадка*).

Эстетическую функцию одновременно с утилитарным назначением выполняла и фурнитура. Самодельные плетенные из шнура и кожи или вырезанные из дерева пуговицы, а также петли, отличаясь художественной выразительностью и простотой, гармонично вписывались в общую композицию одежды, а иногда были основным ее украшением, отражая тонкий вкус и находчивость народных мастеров.

В качестве примера использования рассмотренной художественной отделки в настоящее время можно привести работу творческого коллектива Республиканского дома моделей трикотажных изделий (г. Киев). Художники Н. П. Попова, Т. Ш. Щедрина, В. И. Матэ, Г. С. Митрохина разрабатывают уплотненные фактурные и орнаментальные полотна для различных видов современных изделий, в конструкции и декоре которых продолжают жить лучшие традиции народного костюма. Однако этим не исчерпываются возможности народного опыта в художественном оформлении верхней одежды. В условиях трикотажного производства возможно дальнейшее совершенствование приемов декорирования материала, отделки в виде шнуров и кисточек; для современных швейных изделий арсеналом дальнейшего освоения являются аппликация, машинная строчка, вышивка.

Таким образом, вопросы типологии верхней народной одежды, конструктивные приемы ее создания и принципы декорирования имеют не только теоретическое, но и практическое значение, стимулируя дальнейшие этнографические исследования традиционного костюма братских народов СССР.

И. М. Линдер

ШАХМАТНЫЕ РЕАЛИИ В БЫЛИНАХ

Еще в середине прошлого века, приступив к изучению русского былинного эпоса, исследователи обратили внимание на содержащиеся в нем многочисленные эпизоды с упоминанием шахмат. Правда, некоторые традиционные формулы и общие места столь необычными для представления о шахматах и других настольных играх, что сцены состязаний богатырей вызывали у фольклористов недоумение, особенно следующее место, встречающееся в былинах с различными вариациями:

Играют в шашки-шахматы,
Во тьи велеи золоченыя¹.

Здесь упоминаются три хорошо известные в XIX столетии в России игры: шашки, шахматы и велеи (тавлеи), но в таком «смешении», что невольно возникает мысль, будто певцы и позднейшие сказители не знали самих игр. А это давало пищу для разных гипотез и утверждений. По мнению В. В. Стасова, русские богатыри играли в тавлеи — игру с бросанием костей, которая была издавна известна на Востоке под названием «нарды». Поэтому влиянием восточного фольклора он объяснял некоторые совпадения в условиях состязания в былинах и древнеиндийском эпосе «Махабхарата»².

Со Стасовым не согласился О. Ф. Миллер, который подчеркнул необходимость более объективного анализа: «Кроме тавлей упомянуты же в былинах и шахматы, так что тут, по-видимому, эпически наслоились одна на другую две различные игры»³. Он возражал и против преувеличения восточного влияния, резонно заметив, что, например, неоднократные упоминания шахматной игры во французском эпосе были вызваны тем, что игра «употреблялась в Европе, а вовсе не потому, что труверы заимствовали ее из восточных песен. То же по здравому смыслу должно полагать и про наших певцов»⁴.

Предполагая «наслоение» в эпосе одной игры на другую, Миллер не указывал, правда, какая же из них была исторически первой. Столетие спустя советский фольклорист В. Я. Пропп назвал первичной тавлеи. Так же как Стасов и Миллер, он опирался на анализ былины «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» и в обоснование своей концепции привел следующий отрывок:

Кликнули Добрыню Никитича,
Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи вольящеты.
Первую тавлеюшку царь ступил,
Другую тавлеюшку Добрыня Никитич млад,
Третью тавлеюшку царь ступил,
Четвертую Добрыня Никитич млад:
Больше царю ступить некуда,
Та игра была поиграна⁵.

Рассуждения В. Я. Проппа по поводу этого фрагмента коснулись и другой стороны — насколько реально отражалась в былинах шахматная игра? В своих утверждениях он был достаточно категоричен: хотя Добрыня в изображении певцов превосходно играл в шахматы, сами они, «как это видно из описания хода игры, с ней совершенно незнакомы ни в одном случае. Добрыня выигрывает с третьего или четвертого хода»⁶.

А так как в приводимом эпизоде речь идет о тавлях, то тот же автор пришел и к другому заключению: «Игра в тавлеи — другая игра, а певец спутал ее с шахматами... Можно предполагать, что первоначально в былине фигурировала именно эта игра и что она впоследствии была вытеснена шахматами, известными лишь понаслышке. Кроме шахмат в самых неопределенных выражениях называются и другие игры, как, шашки, кости и карты, причем эти игры сочетаются между собой»⁷.

Когда же произошла эта «смена игр» в былинах, какими причинами она была вызвана? Этого вопроса В. Я. Пропп не касался. Тем не менее

¹ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. 1. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, с. 103.

² Стасов В. В. Происхождение русских былин.— Собр. соч. Т. III. Спб., 1894, с. 1219.

³ Миллер О. Илья Муромец и богатырство Киевское. Спб., 1869, с. 508.

⁴ Там же, с. 509.

⁵ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2. М., 1861, с. 85—86.

⁶ Пропп В. Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, с. 350.

⁷ Там же, с. 351.

его точка зрения была поддержана и другими исследователями, согласившимися с тем, что «реальных представлений об игре певцы не имеют и изображается она совершенно условно»⁸.

Такого рода суждения авторитетных специалистов в области фольклора поставили в трудное положение историков шахматной игры, которые хотели найти в былинах «материалы для истории шахмат в России». Именно под такой рубрикой поместил еще в конце прошлого столетия в московском шахматном журнале большую подборку извлечений из былинного эпоса С. А. Сорокин. В преамбуле к ней он заметил, что, хотя, согласно народной словесности, шахматы были в употреблении у русских в X в., «мы не можем быть уверены, что те места в былинах, где упоминаются шахматы, относятся по происхождению к тому времени, о котором в них говорится»⁹.

Еще более определенно высказал эту мысль советский историк шахмат М. С. Коган, отмечая, что краткий обзор русского народного эпоса дает «прекрасную иллюстрацию широкого распространения шахматной игры среди русского населения в XVI—XVII веках»¹⁰.

В начале 60-х годов автор этих строк по-иному подошел к анализу шахматных мотивов в русском героическом эпосе: исходя из того что ко времени сложения былин о богатырях шахматная игра в Киевской Руси была сравнительно широко распространена, а о других настольных играх археологический материал крайне скуден, следует, во-первых, считать закономерным, что именно она нашла отражение в фольклоре, и, во-вторых, что изначально в произведениях народного творчества речь шла не о трех играх — шашках, шахматах и тавлеях, а лишь о шахматах¹¹.

Но если первое из этих положений не вызвало возражений, ибо опиралось на новейшие открытия советских археологов, то второе историки и этнографы сочли недостаточно убедительным. А. А. Зимин писал о необходимости «доследования вопроса, почему в былинах шахматы называют иногда „тавлеями золочеными“». Делали ли в Киевской Руси «золоченые доски» для шахмат (что сомнительно), изготовляли ли их в более позднее время, или перед нами общее название любой игры с доской? Так ли уж «певцы, слагавшие былины о подвигах богатырей, были... хорошо осведомлены о шахматах», как считает И. Линдер¹²?

Свои сомнения высказала в этом вопросе и Р. С. Липец: «Не разбирая здесь подробно утверждения автора, что „тавлеи“ в былинах равнозначны „шахматам“, хочу все же заметить, что, очевидно, более прав был В. В. Стасов, а вслед за ним О. Ф. Миллер, считавшие «тавлеи» в былинах особой игрой типа нардов, о которой упоминает и автор»¹³. Позднее в своем обширном исследовании русского героического эпоса Р. С. Липец уже названием одной из подглавок — «Шахматы и другие игры этого рода» — предвосхищала сделанный ею вывод о том, что тавлеи в былинах «...употребляются не совсем как синоним шахмат, а скорее в порядке перечисления разных игр: шашки, шахматы, кости, тавлеи и пр.»¹⁴.

Имело ли место при сложении былин столь хаотичное смешение разных игр, иначе говоря, отсутствие реальных представлений о них не только у позднейших исполнителей, но и у певцов — создателей эпоса? На наш взгляд, такие утверждения необоснованны. И вот почему.

⁸ Былины (Библиотека поэта. Большая серия). Л.: Сов. писатель, 1957, с. 465. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Путилова Б. Н.

⁹ Сорокин С. А. Шахматы в русской народной словесности.— Шахматное обозрение, 1892, № 16, с. 24.

¹⁰ Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М.—Л., 1938, с. 51.

¹¹ Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1964, с. 84—104.

¹² Зимин А. А. У истоков русского шахматного искусства.— Шахматы в СССР, 1965, № 5, с. 25.

¹³ Липец Р. С. Шахматы на Руси. (Рец. на книгу Линдера И. М.) — Сов. этнография, 1966, № 5, с. 180.

¹⁴ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М.: Наука, 1969, с. 277.

Как известно, в сюжетные линии целого ряда былин включались три вида испытаний во время столкновений богатырей с иноземными врагами: демонстрация превосходства в физической силе (борьба), в ловкости и меткости (стрельба из лука) и, наконец, в умственном состязании (настольная игра). А иногда именно с этой игры и начиналось испытание. И конечно, не могло быть одновременного состязания в три разные игры, ибо тогда с точки зрения логики былинного сюжета (испытание) этот вид соревнования становится бессмысленным.

Но если в изображении первых двух видов состязаний исследователи фольклора обнаруживают близость к реалиям эпохи Древней Руси, то почему же этого не находят в шахматах? Почему так трудно отрешиться от взгляда, согласно которому в былинах речь идет о нескольких самостоятельных играх? С одной стороны, это объясняется ретроспективным подходом к изучению вопроса, т. е. рассмотрением его на основании современных представлений о шашках, шахматах и тавлеях; с другой стороны, различными наслоениями в ходе тысячелетнего бытования «живой старины», в результате чего многие сцены и этнические определения претерпели заметные изменения.

Б. Н. Путилов, исследуя особенности историко-типологического подхода к фольклору, пришел к выводу о весьма своеобразном, парадоксальном характере связи устного народного творчества с бытом. Фольклор, замечает он, насквозь этнографичен. «Вместе с тем проникнуть через фольклор к этнографическим субстратам и тем более реконструировать их либо на основании фольклорных данных установить их наличие в прошлом в определенных формах — крайне трудно»¹⁵.

Это в полной мере относится к таким этнографическим субстратам, как народные игры, независимо от того, возникли они на национальной почве или были заимствованы и, приобретая новый этнический колорит, стали элементом национальной культуры. Определить специфику их отражения в фольклоре можно лишь на основе сравнительно-исторического метода изучения былин с привлечением археологических, этнолингвистических, литературных и других источников. Только такое комплексное исследование позволяет, в частности, ответить на интересующий нас вопрос: в отображении какой игры певцами мы можем находить реальные этнографические связи, а в каких мотивах «фольклорное творчество нередко задает нам загадки, как бы изобретая этнографический субстрат»¹⁶.

При всем художественном своеобразии в отражении русским героическим эпосом исторических явлений той или иной эпохи в бытовых реалиях он прежде всего опирается на период первоначального сложения былин — Киевскую Русь. Это, в частности, было показано на примере вооружения богатырей, описание которого в былинном эпосе во многом соответствует летописным источникам и археологическим находкам¹⁷.

Что касается упоминающихся в былинах настольных игр, то и в данном случае естественно искать материалы для сравнительно-исторического исследования в других источниках, в том числе в археологических находках. И такие экскурсии оказываются плодотворными. В последние десятилетия археологами была добыта богатая коллекция древнерусских шахматных фигур, относящаяся к XI—XII вв. и вскрывшая картину сравнительно широкого распространения на Руси этой игры¹⁸.

Ничего подобного нельзя установить на основе материалов раскопок в Киеве, Вышгороде, Новгороде, Минске, Полоцке, Берестье и других древнерусских городах относительно игры в шашки и тавлеи в период Киевской Руси. Можно ли назвать это случайностью? По-видимому, нет, ибо игра в «шашки» на 64-клеточной доске, как показывают некоторые

¹⁵ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976, с. 217.

¹⁶ Там же, с. 218.

¹⁷ Липец Р., Рабинович М. К вопросу о времени сложения былин. (Вооружение богатырей). — Сов. этнография, 1960, № 4.

¹⁸ См. Линдер И. М. Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975, с. 70. (Изд. 2-е).

исследователи, становится известна в Европе вообще не ранее XIII—XIV вв.¹⁹

Существовавшие же еще до шахмат и во время их появления в той или иной стране игры типа шашек (т. е. с однородными фигурами) имели, во-первых, другие доски и иные правила, чем известные нам сегодня шашки, во-вторых, другие названия. Вот почему вряд ли оправданно говорить о «шашках» в былинах как о самостоятельной игре или приводить в качестве примера их древности на Руси «стеклянные игральные шашки», найденные при раскопках кургана Черная Могила (X в.)²⁰. Эти фигурки, как показала Г. Ф. Корзухина, относятся к эпохе викингов, встречаются в раскопках не позже начала XI в. и прекращают появляться «тогда, когда исчезают и варяжские наемники в Древней Руси»²¹.

Иначе обстоит вопрос с термином «шашки»: он издревле употреблялся на Руси для обозначения любых фигур в настольных играх. И даже тогда, когда этот термин стал использоваться для названия вполне определенной игры (что произошло не раньше XV в.), традиционно еще очень долго — несколько столетий! — шашками продолжали называть в общем виде все шахматные фигуры и даже сами шахматы, именовавшиеся «большой шашечной игрой». В XVIII в., например, известная работа В. Франклина «Моральные ценности шахмат» («The Morals of Chess») была издана в России под названием «Правила для шашечной игры»²², а еще в 20-х годах XIX в. первый шахматный мастер России А. Д. Петров в своем труде о шахматах писал, указывая на количество фигур в игре: «... всех шашек числом 32, из коих 16 белых и 16 черных». При этом король, ферзь, ладьи, слоны и кони названы «большими шашками», а пешки — «малыми шашками»²³.

Так выясняется истинное значение слово «шашка»: на Руси оно с древнейших времен употреблялось в смысле «фигура» в настольной игре. Поэтому и в былинах при словах «играть в шашки-шахматы» речь шла о состязании фигурами-шашками в игре, именуемой «шахматы».

Теперь остается определить атрибутивное значение еще одного компонента традиционной формулы эпоса «в тавлеи золоченая». И здесь при тщательном исследовании вопроса, в частности при сопоставлении былинных, литературных и археологических материалов, выясняется, что Киевская Русь не знала под таким названием игры типа нардов. И вообще, если бы эта игра хоть в какой-то степени была тогда популярна — а только в этом случае она могла часто называться в народном эпосе, — то, естественно, должна была бы получить подтверждение в археологических находках той эпохи, которыми, как уже отмечалось, столь богато представлены ныне древнерусские шахматы.

К тому же тавлеи обязательно упоминались бы уже в первых церковных документах, запрещавших все азартные игры. К ним тогда, кстати, причислялись не только разные игры с костями — «зернь», «леки», но и шахматы. Но ни в «Кормчей» 1262 г., ни в «Святительском поучении новопоставленному священнику» конца XIII в., включенному в «Новгородскую Кормчую», ни в Паисиевском сборнике конца XIV — начала XV в. мы не встречаем, кроме этих трех, других названий игр²⁴.

И только в XVI столетии, а именно в «Послании митрополита Даниила духовенству» (1522 г.), призывавшем воздерживаться от мирских соблазнов, появляется интересующее нас название, относящееся к самостоятельной игре: «и зернию, и шахматы, и тавлесьми»²⁵. В таком же

¹⁹ Бойе Ж. Откуда произошли шашки.— Ежедневник 64, 1971, № 6, с. 12.

²⁰ Липец Р. С. Эпос и древняя Русь, с. 275.

²¹ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси.— Сов. археология, 1963, № 4, с. 100.

²² Правила для шашечной игры, сочиненныя Франклином. Спб., 1791.

²³ Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оныя, изданная Александром Петровым, часть I и II. Теория шахматов. Спб., 1824, с. 21—22.

²⁴ См. Розенкамф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1892, с. 50. Памятники древнерусского канонического права. Т. VI. Ч. 1. Спб., 1880, с. 104—105.

²⁵ Памятники старинной русской литературы, изд. Пыпиным А. и Костомаровым Н. Т. IV. М., 1847, с. 201—202.

порядке запрет на «всякое игранье — и зернь, и шахматы, и тавлеи» приводится в середине века в «Домострое» протопопа Сильвестра и в постановлении Стоглавого собора 1551 г. в Москве²⁶. Отсюда можно заключить, что не ранее конца XV — нач. XVI в. игра типа нардов получила на Руси название «тавлей». Так, впрочем, считал и сто лет назад С. А. Сорокин на основании знакомства со «Стоглавом» и «Домостроем»²⁷.

До этого времени термин «тавлея» означал совсем иное — шахматную доску, что, впрочем, естественно, так как он восходил к латинскому слову «*tabula*» — доска²⁸. К такому выводу пришла и Г. Ф. Корзухина: «Судя по древнерусским текстам XIII—XV вв., тавлеей все же называлась только доска, названия же игр были „шахматы“ (шахы) и „леки“ (лики, лик)»²⁹.

Певцы, слагавшие былины, именно в таком значении употребляли слово «тавлея». И если в дальнейшем оно стало нарицательным как для самой игры, так и для шахматных фигур, то это уже было результатом «наслоения» веков. Впрочем, в традиционной формуле, приведенной в начале статьи, этот термин имеет правильное значение — доски для настольной игры. А иногда тавлея даже фигурировала как центральный атрибут игры; в этом случае мы встречаемся еще с одним древнейшим былинным стереотипом. Так говорилось о шахматах, например, в былине «Михайло Потык»:

Зачим же ты Михайла заезжал сюда?
— Зашол-то я сюда, заезжал к тебе,
А царь ты Вахрамей Вахрамеевич,
А я слышал — скажут, ты охвочь играть
Да в доски — тыи шахматны,
А в дóроги тавлеи золочены,
А я-то ведь еще уж также бы³⁰.

Следовательно, «тавлеи (велеи) золочения» означало не что иное, как «доски золоченые». А о том, что в данном случае упорно повторяемое в былинах определение «золоченые» говорилось не для «красного словца» (тогда скорее певец сказал бы «золотые») и было вполне реальным отражением шахматного быта, свидетельствовал тот факт, что на Руси издревле стремились сделать доски нарядными. Это многократно подтверждают, например, «столбцы» Оружейной палаты. В одном из них, относящемся к 1677 г., говорилось, что иконописцу Тимофею Рязанцу отпущено «на пятьдесят листов золота» и столько же серебра. «А по указу великого государя тем золотом и серебром велено ему написать доски шахматные великому государю в поднос к неделе святые пасхи нынешнего 185 [1677] году»³¹. В другом столбце, от 18 января 1686 г., сообщается, что куплены в Оружейную палату для царевны Марфы Алексеевны вместе с шахматами «доски шахматные, писаны по золоту баканом и ярью виницейскими репьи»³².

Тем самым устраняются последние сомнения: на Руси шахматные доски действительно издавна назывались «тавлеями золочеными», и певцы, включая в былины игровые эпизоды и мотивы, имели в виду лишь одну игру — шахматы. В духе же всей былинной поэтики, всего эпического повествования о подвигах богатырей было, конечно, не простое од-

²⁶ Орлов А. «Домострой» по Коншинскому списку. М., 1908, с. 10; Стоглав/изд. Кожанчикова Д. Е. Спб., 1863, с. 263.

²⁷ Сорокин С. Об игре «тавлей». — Радуга, 1884, № 8.

²⁸ Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — Сов. археология, 1957, № 1, с. 88—89.

²⁹ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси, с. 100.

³⁰ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Изд. 4-е. М., 1949, с. 468.

³¹ Центральный государственный архив древних актов в Москве (ЦГАДА), ф. 396, ст. 16456.

³² Там же, ст. 24020.

носложное упоминание названия игры, а патетически возвышенное выражение «играют в шашки-шахматы, во тьи велеи золоченья».

Сравнительно-историческая методология исследования былин позволяет установить и некоторые другие традиционные формулы, которые, отражая реалии шахматного быта той эпохи, вместе с тем могут быть поняты, только исходя из эстетической специфики фольклора, особого художественного видения мира, отличающегося гиперболичностью и условностью.

Изображение шахматной партии — от ее начала до конца — интересно именно таким органическим сочетанием реалий и былинной эстетики. Певец, даже если он сам и не играл в шахматы, был достаточно наблюдателен и вполне зримо представлял себе и как начиналась партия, и как драматически напряженно она протекала, и как заканчивалась возгласом «шах-мат!». И все это не могло не получить отображения в былинах с учетом известной обобщенности и неконкретности описания игры, своеобразия художественных приемов эпической поэзии.

Шахматы — настольная игра. И в былинах дается яркая картина начала шахматного сражения. Вот несколько характерных штрихов:

Подернули столы белодубовые,
Раздернули тавлеи валящеты³³.
Стали играть в шашечки кленовые.
Наставили дощечку оны первую³⁴.
Принесли ноньци де пешецьки точенья,
Принесли-де ка дощочьку да подзолочену...
Как которой накликают, тот наперед ступат³⁵.

Изобразительные средства в этих описаниях частично навеяны былинными традициями: столы и шахматные доски — дубовые, а фигуры — кленовые... Зато певцы, несомненно, под впечатлением виденного называют фигуры валящетыми (резными) и точеными (т. е. изготовленными на токарном станке), ибо именно такими — это подтверждают археологические находки — были они тогда в Киевской Руси. А последняя из приведенных цитат показывает, что уже в ту эпоху практиковалось бросание жребия за право «выступки» в партии.

Рассказ же о самой игре велся в чисто былинном стиле: певцу необходимо было вызвать у слушателя ощущение драматизма поединка, что достигалось не конкретизацией, не детальным описанием перипетий борьбы в партии, а своеобразным варьированием и повторением древнерусских терминов «заступь» (партия, от слова «заступать» — начинать игру) и «ступень» (ход в партии). При этом в художественно-стилевой интерпретации певца (особенно на последующих этапах жизни былины, когда сказители нередко повторяли по памяти стереотипы, не вникая в их смысл) они получали интересные звучания, вполне объяснимые «эффектом ретардации» — замедленной эпической динамикой изложения, достигаемой разными повторениями:

А тут Михайлушка ступень ступил — не достигил,
А другой, как ступил, сам призаступил,
А третий что ступил, его поиграл³⁶.
Раз ступает — не достигивает,
Во-вторых ступает — переступивает,
А во-третьих королю и мата дал³⁷.
Первую заступь заступовали
И ту посол поиграл³⁸.

³³ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2, с. 85.

³⁴ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. II, М., 1862, с. 82.

³⁵ Ончуков Н. Е. Печорские былины. Спб., 1904, с. 119.

³⁶ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Т. I, с. 468—469.

³⁷ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. II, с. 65.

³⁸ Песни собранные Киреевским П. В. В. 4. М., 1862, с. 65.

Если «первая заступь» означала «первая партия», а «ступень ступить» — «сделать ход», то, конечно, в выражениях «заступь заступовать» и «ступень ступил — неоступил» мы находим типичную былинную стилизацию, как, впрочем, и в характерном для эпоса трехкратном повторении «заступи» или «ступени». Это вполне объяснялось принципом троичности повторения того или иного события или выражения, а совсем не выигрышем в три хода, или неким «трехступенчатым» методом игры, как полагали некоторые авторы, анализируя соответствующие отрывки древнерусских былин³⁹. Но, конечно, такой прием значительно усиливал впечатление, тем более если первый (а нередко и второй) поединок герой проигрывал и только затем на удивление слушателю одерживал победу. А именно так большей частью и строилось повествование.

Рассказ о шахматном сражении завершался нередко восклицанием певца, вполне реально передававшего заключительные слова победителя («шах-мат!»):

Шах да и мат да и под доску!⁴⁰

В объяснении этой традиционной формулы исследователи фольклора разошлись. Здесь мы встречаемся и с трактовкой ее как старинного русского обычая лезть под стол после поражения в игре⁴¹, и просто как сбрасывания фигур после окончания состязания⁴². А один из первых собирателей русского фольклора П. В. Киреевский более прямолинейно решил вопрос, утверждая в примечании к этой формуле: «Под доску шашки, игра кончена»⁴³.

Хотя до нас не дошли шахматные доски периода Киевской Руси, позднейшие их находки (в частности, в Мангазее, начало XVII в.) показывают, что они представляли собой в древности не удлиненные «коробки», как ныне, а действительно плоские доски, фигуры же для сохранности складывались скорее всего в мешочки или отдельные коробки. Поэтому данное выражение имело в былине иносказательный смысл. Оно означало, что напряженный поединок на 64-клеточной доске, занимавший в течение нескольких часов ум и воображение играющих и зрителей, вдруг заканчивался объявлением королю соперника мата⁴⁴, нередко при многих оставшихся еще на доске фигурах. Такой финал был полон в представлении людей средневековья загадочности, становился предметом народных притч и на Востоке, и в Европе. Их отзвуки можно увидеть, например, в поэме Алишера Навои «Язык птиц», где после красочно описанной жаркой схватки двух сильных шахматистов вдруг, пишет автор, все исчезло — и наступил один неизбежный конец:

Все пропало, что делали два мудреца,—
Все их мысли, чьей мудрости нет и конца...
Всех в мешок побросали с единого маха,
Так что пешки легли там поверх падишаха!⁴⁵

А в древнерусской былинной поэтике переживания, вызванные концом «дива дивного», были переданы певцом краткой, экспрессивной, но в то же время емкой и выразительной формулой «Шах да и мат да и под доску!».

Кстати, это традиционное выражение интересно и тем, что еще раз показывает: певцы при создании былин разумели в игровых эпизодах именно шахматы, а не какие-либо другие настольные игры.

³⁹ См. *Синегуб Е.* Шахматы в богатырском эпосе.— Газ. 64, 1939, 10 мая; *Пропп В. Я.* Русский героический эпос, с. 363; *Струмилин С. Г.* Шах да и мат да и под доску.— Наука и жизнь, 1962, № 1, с. 100—101.

⁴⁰ Песни, собранные Киреевским П. В. Ч. 1. В. 4, с. 66.

⁴¹ *Былины/Под ред. Проппа В. Я. и Путилова Б. Н. Т. II. М., 1958, с. 469.*

⁴² *Липец Р. С.* Шахматы на Руси (рец.), с. 180.

⁴³ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 4, с. 66.

⁴⁴ «Шах-мат» — в переводе с персидского означает «властитель поражен».

⁴⁵ *Навои А.* Соч. в 10-ти томах. Т. VIII. Ташкент, 1970, с. 241—242 (перевод Иванова С.).

Установление «первородности» шахмат в былинном эпосе позволяет также выявить последующие инновации. Природа их в фольклоре может быть двоякой: органические изменения, вызванные новыми историческими событиями и веяниями, или искажения игровых эпизодов, терминов и мотивов, вносимые сказителями. При этом нередко вследствие незнания сказителем шахматной игры традиционная терминология и стереотипные формулы изменяются до неузнаваемости, что ставит в тупик современных исследователей, стремящихся установить истинный, первичный игровой компонент в новом былинном субстрате, где заступь «заступована», где играют фигурами — «тавлеюшками», или вместо игры «в шашки, шахматы» фигурирует игра Добрыни с царем Батуром «костью, картами» (!) или с царем Батеем Батеечем «во карты-шахматы»⁴⁶.

Но с точки зрения этнографического изучения фольклора, пожалуй, более интересны инновации другого плана, связанные с определением этнической принадлежности как самой шахматной игры, так и соперников богатырей.

Когда в былине речь идет об игре переодетой в добра молодца жены Ставра с Владимиром, то, возможно, мы встречаемся с наиболее древним определением игры, относящимся к периоду сложения былинного эпоса:

Спроговорит Владимир стольне-Киевской:

— Ай же, дородний добрый молодец!

Не угодно ль поиграть в шашки в шахматы заморский?

А спроговорит дородний добрый молодец:

— У нас об эвтом не сведано;

Игроки у меня с дому не взяты.

Пожалуй, поиграем в шашки в шахматы заморский⁴⁷.

В Киевской Руси определение игры как «заморской», т. е. чужеземной, было закономерно связано с названием самой игры (шахматы) и двух фигур (слон и ферзь) и, вероятно, с еще живыми в памяти народа преданиями о заимствовании игры из стран Востока, именовавшихся издревле «заморскими». Это подтверждает, в частности, археологическая находка в Лукомле шахматной фигуры ферзя (XII в.), которую русский ремесленник изобразил в виде знатного восточного лица со скрещенными руками и ногами⁴⁸.

Но с течением времени, когда новые исторические события и культурные веяния заслонили даль киевских времен новыми впечатлениями, игра «заморская» в зависимости от региона бытования фольклора превратилась в представлении сказителей в «татарскую», «турецкую», «польскую», «литовскую» и «немецкую». Примером последнего из этих названий может служить отрывок из былины «Добрыня Никитич в отъезде» в записи от сказителя Севера П. И. Рябинина:

Проходили тут за столички дубовые,

За тее ли скамеечки окольные,

Начинают играть во шашки-шахматы,

Во тее ли во игры во немецкие⁴⁹.

Корни представлений о шахматах как «немецкой игре» восходят еще ко временам Господина Великого Новгорода, который активно торговал в XIV—XV вв. с городами Ганзейского Союза⁵⁰. Во всяком случае, лишь у сказителей, ведущих «свою родословную» от новгородцев, мы встреча-

⁴⁶ Добрыня Никитич и Алеша Попович (Литературные памятники). М.: Наука, 1974, с. 82, 89.

⁴⁷ Онежские былины, записанные Гильфердингом А. Ф. летом 1871 г. Т. II. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 427.

⁴⁸ Линдер И. М. Шахматы на Руси. 2-е изд., с. 92—93.

⁴⁹ Былины Севера. Т. II./Подготовка текста Астаховой А. М. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 405.

⁵⁰ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1978, с. 121—153.

емся с этой интересной метаморфозой в определении происхождения шахмат.

Само включение мотивов шахматной игры в былинные сюжеты имеет свою закономерность. Мы встречаемся с этими мотивами прежде всего в сюжетах, возникновение которых следует отнести к периоду Киевской Руси, т. е. ко времени, когда шахматы становятся здесь элементом национальной культуры. Именно поэтому главные герои былин оказываются сведущими в шахматной игре, проводящими за ней свободное время. Характерно описание отдыха киевской дружины перед сражением в былине «Илья Муромец и Калин-царь»:

На том раздольице чистом поле
Собиралось тридцать богатырей без одного,
Сидят молодцы в белом шатре,
В белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченья...⁵¹

Но главная линия в отображении шахмат в былинах — эпизоды борьбы богатырей с врагами Руси, демонстрация умственного превосходства над ними. И в этом плане древнерусский эпос не знает себе аналогов. Наиболее разработанную эпическую традицию в изображении шахматного поединка мы находим в былине о Михайло Потыке. Его игра с заморским царем Бухарским (в других вариантах — Вахрамеем Вахрамеевичем, Налетом Налетовичем, королем Польским, Литовским и др.) идет на заклад: сначала Михайло предлагает коня доброго и буйну голову свою, затем жену Марью — лебедь белую и родительницу свою матушку, а царь Бухарь — дани-выходы, полцарства и затем все царство Заморское. И только во время пятой партии этот драматический «матч» прекращается сообщением о смерти жены Михайлы (см. Гильфердинг, I, № 6). По драматизму, по сочности красок это одно из самых ярких произведений древнерусского фольклора в изображении шахматного поединка.

В той же былинной традиции, но не столь пространно описаны шахматные поединки с врагами Руси других богатырей — Добрыни Никитича и Василия Казимировича⁵². При описании жизни и подвигов Добрыни певцы сообщают о нем и такие биографические детали, как увлечение шахматами еще с детских лет.

С измалехонька Добрынюшка тешился,
С маленькими ребятами игрывал⁵³.

Причастными к шахматной игре оказываются и многие другие герои русского былинного эпоса — Ставр Гоудинович, Василий Буслаев, Чурила Пленкович, а также в отдельных случаях женщины. Это и жена богатыря Ставра Катерина Ивановна (в других вариантах Наталья Владимировна), которая своей игрой «удивляет всех да людей добрых»⁵⁴, и жена купца Бермяты Катерина Микулична, предложившая Чуриле играть с ней в шахматы на денежную ставку⁵⁵.

Древнерусский шахматный быт нашел отражение не только в былинах героического и новеллистического характера, но и в произведениях с сильными сказочными мотивами. В частности, об игре в шахматы упоминается в отдельных вариантах былины «Садко», что представляется

⁵¹ Песни, собранные Рыбниковым П. Н. Ч. 1, с. 103.

⁵² См. Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 64—65, 89, 95, 106—107.

⁵³ Песни, собранные Киреевским П. В. В. 2, с. 85.

⁵⁴ Былины Пудожского края/Подг. текста Париловой Г. Н., Соймонова А. Д. Петрозаводск, 1941, с. 167; см. также: Былины. Л.: Сов. писатель, 1954, с. 227; Русские былины старой и новой записи/Ред. Тихонравов Н. С., Миллер В. Ф. М., 1894, с. 202.

⁵⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. III, М.-Л., 1951, с. 181, 295, 571.

вполне обоснованным, ибо многочисленные находки шахматных фигур при археологических раскопках Новгорода (ныне это крупнейшая в мире археологическая коллекция шахмат средневекового города) с несомненностью подтверждают, что шахматная игра стала здесь элементом народной культуры. И, конечно же, выходцы из Новгорода, поселившиеся на Севере страны, не могли потерять к ней интереса или — во всяком случае — сохранили в памяти эту характерную черту древнерусского быта и духовной культуры. Может быть, в какой-то мере этому новгородскому феномену обязаны мы тем, что в былинах, несмотря на влияния и «напластования» позднейшего времени, в ряде случаев в неприкосновенности сохранились шахматно-терминологические стереотипы и реалии периода Древней Руси! В данный момент отметим лишь, что, «отправляя» Садко на встречу с Морским царем, певцы не забывают «дать» ему не только «гусли звончаты», но и «шахматы золоты»!

И скоро Садко нарежется,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя дороги, вольящеты⁵⁶.

Мотив игры в шахматы с Морским царем был вызван в эпосе новгородцев близостью водной стихии озера Ильмень и архаическими представлениями о ее хозяине — Морском царе, которого тоже наделяют страстью к шахматам! В этой связи упомянем и малоизвестную былинку, записанную А. В. Марковым на Терском берегу Белого моря — «Мать продает своего сына — удалого добра молодца», также способного спустаться «во сине море» к Морскому царю и выиграть у него «заморенину золоту казну»:

Он горазд соколом летать по поднебесью,
Серым волком рыскать по темным лесам,
Свежей рыбиной ходить в глубины морской,
Писать горазд сухим красным золотом
По рыту-ту по бархату,
Горазд играть во шахматы, во пешоцьки,
С Морским царем во золоты⁵⁷.

Этим примером мы и завершим наш краткий экскурс в древнерусский эпос. Сравнительно-исторический анализ былин, сопоставление содержащихся в них шахматных реалий с фактами из археологических, литературных и других источников позволяют прийти к некоторым конкретным выводам. Прежде всего выясняется, что с начала сложения киевского цикла былин о богатырях в полном соответствии с исторической реальностью речь в нем шла лишь об одной игре — шахматной. Попытки прочесть отдельные фрагменты былин, касающиеся этой игры, как и других предметов быта и явлений духовной культуры, ретроспективно, «прилагая к ним эмпирические мерки, как правило, обращиваются упрощенными и искаженными интерпретациями»⁵⁸.

В эпической поэзии шахматы получили отображение в свойственной ей эстетической манере. В то же время былины донесли некоторые особенности шахматного быта Киевской Руси и высокую оценку этой игры как средства испытания умственных способностей человека. Былины дают представление о широком круге причастных к игре эпических героев, о ее древнейшей терминологии: шахматы-шашки (фигуры), тавлеи (доски для игры), заступь (партия), ступень (ход), пешецьки (пеш-

⁵⁶ Новгородские былины (Литературные памятники). М.: Наука, 1978, с. 214—215.

⁵⁷ Былины новой и недавней записи из разных местностей России/Под ред. Миллера В. Ф. М., 1908, с. 258.

⁵⁸ Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора, с. 222.

ки), шахматчики (шахматисты)... А предельно краткие и вместе с тем весьма выразительные традиционные формулы и общие места свидетельствуют о наблюдательности певцов, их искусстве вызывать у слушателей представления о высоком предназначении шахматной игры в быту и духовной культуре народа.

Здесь мы не ставим своей задачей анализировать инновации последующих эпох. Отметим лишь, что в рассматриваемых нами сюжетах былины, получивших распространение во всех районах Новгородской колонизации на Севере страны⁵⁹ с ее традиционным отношением к шахматам как области народной культуры, эти инновации большей частью не нарушили первоначально созданных типических мест и формул в специфическом художественном отображении игры и в определенной мере сохранили шахматные реалии Киевской Руси. Этот факт представляется нам важным как для изучения самого былинного эпоса, так и для историко-этнографического исследования шахматной культуры.

⁵⁹ Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982, с. 13.

О. Ю. Артемова

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Развитая индивидуальная специализация, связанная со сложной системой разделения труда и называемая профессиональной, существует, как известно, только в обществах, обладающих городской культурой. Появление зачаточных форм индивидуальной специализации чаще всего в научной литературе относят к периоду разложения первобытной формации, к эпохе классового образования. Предполагается, таким образом, что на более ранних стадиях социально-экономического развития, в доклассовую эпоху, индивидуальная специализация и разделение труда между индивидами отсутствовали, т. е. члены первобытного коллектива, входившие в одну половозрастную группу, по характеру своей деятельности не отличались друг от друга. Однако этнографические данные, относящиеся к обществам, которые до сравнительно недавнего времени сохраняли первобытный уклад жизни, и в частности к аборигенам Австралии, заставляют думать, что такой взгляд не совсем верен.

У австралийских аборигенов в условиях первобытного охотничье-собирающего образа жизни все взрослые члены общины участвовали в производстве средств к жизни, предметов материальной культуры, в деятельности, связанной с искусством и религией. Профессионалов, т. е. лиц, которые, пройдя особое обучение, посвящали бы все свое трудовое время только одному роду работы и получали бы за это вознаграждение, обеспечивавшее все необходимое для жизни не существовало. Однако обычно в этих коллективах имелись люди, достигшие особых успехов в том или ином из традиционных видов деятельности и уделявшие именно этому виду особое, а иногда и преимущественное внимание. В общей форме на такую, как бы частичную (иногда ее не совсем верно, как мы пытаемся показать ниже, называют возникающей) специализацию и на связанные с ней элементы индивидуального разделения труда, которое осуществляется в рамках половозрастного и географического, или регионального, разделения труда, указывают многие этнографы-австраловеды. Однако ни в зарубежной, ни в советской австраловедческой литературе нет исследований, целиком посвященных этой проблеме. В работе В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев» отдельным проявлениям подобной индивидуальной специализации у аборигенов при производстве каменных орудий отведен небольшой раздел. Некоторое внимание за-